

В конце ноября

Автор:

Тове Янссон

В конце ноября

Тове Марика Янссон

Муми-тролли #8Муми-троль и все-все-все (Азбука-Аттикус)

Знаменитая детская писательница Тове Янссон придумала муми-троллей и их друзей, которые вскоре прославились на весь мир. Не отказывайте себе и своим детям в удовольствии – загляните в гостеприимную Долину муми-троллей.

Лето прошло, и зима не за горами. Снусмумрик, как обычно, отправляется в странствие. Но почему-то на этот раз у него не получается без сожалений покинуть Долину, и ноги сами несут его назад. И что еще удивительней, в то же самое время многие друзья и знакомые муми-семейства вдруг решают нанести визит в муми-дом. И вот на веранде вновь загорается теплый огонек керосиновой лампы, вокруг которого так хорошо собираться осенними вечерами...

Тове Янссон

В конце ноября

Tove Jansson

SENT I NOVEMBER

Copyright © Tove Jansson 1970

Schildts F?rlags Ab, Finland.

All rights reserved

© Н. Белякова, перевод, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2012

Издательство АЗБУКА®

* * *

1

Ранним утром, проснувшись в своей палатке, Снусмумрик почувствовал, что в Долину муми-троллей пришла осень.

Новое время года приходит внезапно, одним скачком! Вмиг все вокруг меняется, и тому, кому пора уезжать, нельзя терять ни минуты. Снусмумрик быстро вытащил из земли колышки палатки, погасил угли в костре, на ходу взгромоздил рюкзак себе на спину и, не дожидаясь, пока проснутся другие и начнут расспрашивать, зашагал по дороге. На него снизошло удивительное спокойствие, как будто он стал деревом в тихую погоду, на котором не шевелится ни один листочек. На том месте, где стояла палатка, остался квадрат пожухлой травы. Его друзья проснутся поздним утром и скажут: «Он ушел; стало быть, наступила осень».

Снусмумрик шел легкой пружинистой походкой по густому лесу, и вдруг закапал дождь. Несколько дождинок упало на его зеленую шляпу и зеленый дождевик, к шепоту листвы присоединилось шлепанье капель. Но добрый лес, окружавший Снусмумрика сплошной стеной, не только хранил его прекрасное одиночество, но и защищал от дождя.

Вдоль моря, торжественно извиваясь, тянулись длинные горные хребты, вдаваясь в воду мысами и отступая перед заливами, глубоко врезающимися в сушу. У самого берега раскинулись долины, в одной из которых жила одинокая Филифьонка. Снусмумрику доводилось встречать многих филифьонок, и он знал, что это странный народец и что у них на все свои удивительные и необычные порядки. Но мимо дома этой Филифьонки он проходил особенно тихо и осторожно.

Калитка была заперта. В саду, за острыми и прямыми колышками ограды, было совсем пусто – веревки для белья сняты, никаких следов обыкновенного симпатичного беспорядка: ни грабель или ведра, ни забытой шляпы или кошачьего блюдечка, ни других обыденных вещей, которые говорят о том, что дом обитаем.

Наступила осень, и Филифьонка заперлась в своем доме – он казался заколоченным и пустым. Она забралась в самую его глубь, укрылась за высокими непроницаемыми стенами, за частоколом елей, прятая окна дома от чужих глаз.

Медленный переход осени к зиме неплохая пора. Это пора, когда нужно собрать, привести в порядок и сложить все запасы, которые ты накопил за лето. А как прекрасно собирать все, что есть у тебя, и складывать к себе поближе, собрать свое тепло и свои мысли, зарыться в глубокую норку – крепкое и надежное укрытие; защищать его как что-то важное, дорогое, твое собственное. А после пусть мороз, бури и мрак приходят, когда им вздумается. Они будут обшаривать стены, искать лазейку, но ничего у них не получится: все кругом заперто, а внутри, в тепле и одиночестве, сидит себе и смеется тот, кто загодя обо всем позаботился. Есть на свете те, кто остается, и те, кто собирается в путь. И так было всегда. Каждый волен выбирать, куда есть время, но после, сделав выбор, нельзя от него отступить.

Филифьонка вышла на задний двор и принялась выколачивать коврики. Она колотила их с ритмичной яростью, и каждому было ясно, что ей нравилась эта работа. Снусмумрик зажег трубку и пошел дальше. «Жители уже проснулись, – подумал он. – Папа заводит часы и постукивает по барометру. Мама разжигает огонь в плите. Муми-тролль выходит на веранду и видит, что палатки нет. Я забыл о прощальном письме, не успел его написать. Но ведь все мои письма одинаковы: „Я приду в апреле, будьте здоровы“. Или: „Я уйду, вернусь весной, ждите...“ Муми-тролль знает это».

И Снусмумрик тут же забыл про Муми-тролля. В сумерках он подошел к длинному морскому заливу, лежавшему между горами в вечной тени. На берегу, там, где стояла кучка тесно прижавшихся друг к другу домов, горело несколько ранних огоньков. Никому не хотелось гулять под дождем, все сидели дома. Здесь жили Хемуль, Мюмла и Гафса, под каждой крышей жил тот, кто решил остаться, кто любит сидеть под крышей.

Снусмумрик прокрался задворками, держась в тени и не желая ни с кем разговаривать. Маленькие и большие дома сгрудились в стайку, некоторые из них стояли вплотную друг к другу, у них были общие водосточные желоба и мусорные бачки, они глядели друг другу в окна, вдыхая запахи кухонь. Дымовые трубы, высокие фронтоны и рычаги колодцев, а внизу – дорожки, протоптанные от двери к двери.

Снусмумрик шел быстрой неслышной походкой и думал про себя: «Ах вы, дома, я терпеть не могу вас».

Было уже почти темно. Прямо на берегу под ольховыми кронами стояла затянута брезентом лодка Хемуля. Чуть выше были сложены мачта, весла и руль. Они лежали здесь уже много лет и почернели, потрескались от времени, потому что никто ими не пользовался. Снусмумрик встряхнулся и прошел мимо.

Но маленький хомса, сидевший в лодке Хемуля, услышал его шаги и затаил дыхание. Шаги удалялись, вот снова стало тихо, лишь слышался шум капель, падавших на брезент.

Самый последний дом стоял поодаль и одиноко выделялся на фоне темно-зеленой стены ельника. Здесь начиналась настоящая глушь. Снусмумрик зашагал быстрее прямо к лесу. Тут дверь последнего дома приоткрылась, и из щелочки донесся старческий голос:

- Куда ты идешь?

- Не знаю, - ответил Снусмумрик.

Дверь затворилась. Снусмумрик вошел в лес. Перед ним лежали тысячи километров тишины.

Время шло, а дождик все лил. Такой дождливой осени еще не бывало. С гор и холмов стекали потоки воды, и прибрежные долины стали топкими и вязкими, травы не засыхали, а гнили. Лето вдруг кончилось, словно его и вовсе не было, дороги от дома к дому стали очень длинными, и каждый укрылся в своем домишке.

На носу лодки Хемуля жил маленький хомса по прозвищу Тофт, что значит «банка» (имя его не имело ничего общего с корабельной банкой, это было просто совпадение). Никто не знал, что он там живет. Лишь раз в году, раннею весною, снимали брезент и кто-нибудь смолил лодку и конопатил самые большие щели. Потом брезент опять натягивали, и лодка снова ждала. Хемулю было не до морского плавания, да и к тому же он не умел управлять лодкой.

Хомса Тофт обожал запах дегтя, он был доволен, что в его доме так хорошо пахнет. Ему нравились клубок каната, надежно державший его в своих объятиях, и звук постоянно падавших дождевых капель. Просторное теплое пальтишко хомсы согревало его долгими осенними ночами.

Вечерами, когда все расходились по домам и залив затихал, хомса рассказывал себе историю собственной жизни. Это был рассказ о счастливой семье. Он рассказывал, пока не засыпал, а на другой вечер продолжал рассказ или начинал его сначала.

И начинал он обычно с описания счастливой долины Муми-дален. Вот ты медленно спускаешься со склона, поросшего темными елями и белоствольными березами. Становится теплее. Он пытался описать, что чувствуешь при виде долины, расстилающейся перед тобой диким зеленым садом, пронизанным солнцем. Вокруг тебя и над твоей головой – трава, а на ней – солнечные пятна, повсюду гудят шмели и пахнет так сладко, а ты идешь медленно, покуда не услышишь шум реки.

Было очень важно описать точно самую малейшую подробность: один раз он увлекся и придумал возле реки беседку – и это было неверно. Там был лишь мост и рядом почтовый ящик. А еще там были кусты сирени и папина поленница дров; и пахло это все по-особенному – уютно и летом.

Было это ранним утром, и кругом стояла тишина. Хомса Тофт мог разглядеть нарядный шар из голубого стекла, укрепленный на столбе в дальнем углу сада. Этот стеклянный шар был самым прекрасным украшением всей долины. И к тому же он был волшебный.

В высокой траве росло много цветов, и хомса рассказал о каждом из них. Он поведал про аккуратные дорожки, выложенные раковинами и небольшими золотыми самородками, задержался немного, описывая солнечные зайчики, – они ему так нравились! Он дал ветерку прошелестеть высоко над долиной, промчаться по лесистым склонам, замереть и снова уступить место полной тишине. Яблони стояли в цвету. Вначале хомса представил себе их с плодами, но потом отказался от этого. Он повесил гамак и рассыпал золотые опилки перед дровяным сараем. Теперь он уже совсем близко подошел к дому. Вот клумба с пионами, а вот веранда... Залитая утренним солнцем веранда точно такая, какой ее сделал хомса: перила с узором, выпиленным лобзиком, жимолость, качалка... Хомса Тофт никогда не входил в дом, он ждал, когда мама выйдет на крыльцо.

К сожалению, он всегда засыпал именно на этом месте. Лишь один-единственный раз он увидел, как за приоткрытыми дверями мелькнула ее добродушная физиономия, – мама была кругленькая, полная, какой и должна быть мама.

Сейчас Тофт, еще не успев погрузиться в сновидения, отправился назад через долину. Сотни раз ходил он по этой дороге, и каждый раз, повторяя этот путь, он волновался все сильнее.

Вдруг долина заволочлась туманом, все расплылось, в закрытых глазах Тофта был лишь один мрак, он слышал только монотонный стук осеннего дождя по брезенту. Хомса попытался вернуться в долину, но не смог.

В последнюю неделю это случалось с ним много раз, и каждый раз туман приходил чуть раньше, чем накануне. Вчера он пришел, когда Тофт был возле дровяного сарая, сегодня темнота наступила, едва он успел дойти до кустов сирени. Тофт запахнул плотнее свое пальтишко и подумал: «Завтра я, поди, не успею дойти даже до реки. Мой рассказ становится все короче, все отступает и отступает назад».

Хомса поспал немного. Проснувшись, он понял, что надо делать. Ему надо покинуть лодку Хемуля и отправиться в долину, подняться на веранду, отворить дверь и сказать, кто он такой.

Приняв решение, Тофт снова заснул и проспал целую ночь без снов.

3

В тот ноябрьский четверг дождь прекратился, и Филифьонка решила вымыть окно на чердаке. Она нагрела воду в кухне, растворила в ней немного мыла, поставила таз на стул и открыла окно. И тут что-то отлетело от оконной рамы и упало к ее лапе. Это что-то походило на клочок ваты, но Филифьонка сразу догадалась, что это противный кокон, а внутри него сидит бледная белая гусеница. Филифьонка вздрогнула и отдернула лапу. Куда бы она ни шла, что бы ни делала, повсюду ей попадались на глаза всякие ползучки! Она взяла тряпку, быстро смахнула гусеницу и долго глядела, как та катится по крутому склону крыши.

«Фу, какая гадость!» – прошептала Филифьонка и, когда гусеница исчезла, встряхнула тряпку. Она подняла таз и вылезла из окна, чтобы помыть его снаружи.

На лапах у Филифьонки были войлочные тапочки, и, ступив на крутую мокрую крышу, она заскользила вниз. Она не успела испугаться. Ее худенькое тело мгновенно и резко подалось вперед, какие-то секунды она катилась по крыше на животе, потом лапы ее уперлись в самый край крыши, и она остановилась. И тут Филифьонка испугалась. Страх, противный, словно привкус чернил во рту, заполз в нее. Она опустила глаза и увидела землю далеко внизу, от ужаса и удивления у нее свело челюсти, и она не могла кричать. Да и звать было некого. Филифьонка наконец отделалась от всех своих родственников и от всех

назойливых знакомых. Теперь у нее было сколько угодно времени, чтобы ухаживать за домом, лелеять свое одиночество, падать с крыши в сад, где не было никого, кроме жуков да немислимых гусениц.

Филифьонка чуть проползла вверх червяком, пытаясь уцепиться лапами за скользкую жесть крыши, но снова скатилась вниз. Ветер раскачивал раскрытое окно, листва в саду шелестела, время шло. На крышу упало несколько дождевых капель.

И тут Филифьонка вспомнила про громоотвод, который тянулся от чердака на другой стороне дома. Очень медленно и очень осторожно начала она двигаться по краю крыши – крошечный шаг одной лапой, потом другой, глаза крепко зажмурены, а живот крепко прижат к крыше. И так Филифьонка обошла вокруг своего большого дома, думая только о том, чтобы у нее не закружилась голова. Что тогда с ней будет?

Вот она нащупала лапой громоотвод, вцепилась в него изо всех сил и поднялась, не открывая глаз, до верхнего этажа. Она уцепилась за узенький деревянный барьерчик, окружавший чердачный этаж, проползла немного и замерла. Потом приподнялась, встала на четвереньки, подождала, пока пройдет дрожь в коленках, и, совсем не чувствуя себя смешной, поползла. Одно окно, другое, третье... Все заперты. Собственная длинная мордочка мешала ей, слишком длинные волосы щекотали нос. «Только бы не чихнуть, – подумала она, – ведь тогда я потеряю равновесие... Не надо смотреть по сторонам и думать ни о чем не надо». Одна тапочка согнулась пополам, пояс расстегнулся... «Никому-то я не нужна... Вот-вот, в одну из этих ужасных секунд я...»

А дождь все капал и капал. Филифьонка открыла глаза, чуть повернула голову на крутой скат крыши, за которым начиналась пустота. Ее лапы снова задрожали, и мир вокруг нее завертелся, голова закружилась. Она на миг оторвалась от стены; карниз, в который она упиралась, показался ей узеньким и тоненьким, как лезвие ножа, и в эту бесконечную секунду перед ней прошла вся ее филифьонкская жизнь. Она медленно отклонилась подальше от неумолимого и зловещего угла падения и так и застыла на целую вечность, потом опять приникла к стене.

Все в ней слилось в одно стремление: стать совсем плоской и двигаться вперед. Вот наконец окно. Ветер плотно захлопнул его. Оконная рама совсем гладкая, ухватиться не за что, не за что потянуть. Ни единого маленького гвоздика. Филифьонка попробовала зацепить раму шпилькой, но шпилька согнулась. Она видела сквозь стекло таз с мыльной водой и тряпку – приметы спокойной повседневности, недостижимый мир.

Тряпка! Она застряла между рамой и подоконником... Сердце Филифьонки сильно застучало – она видела уголок тряпочки, захлопнутый рамой и высунувшийся наружу; она ухватила его кончиком лапки и потянула медленно, осторожно... «О, пусть она выдержит, пусть она окажется новой и крепкой, а не старой и ветхой... Никогда больше не стану беречь, буду транжиркой... и убирать перестану, я слишком часто навожу порядок, я ужасная чистоплюйка... Я стану совсем другой, вовсе не филифьонкой», – думала Филифьонка в безнадежной мольбе, потому что филифьонка может быть только филифьонкой, и никем другим.

И тряпка выдержала. Окно приоткрылось, ветер широко распахнул его, и Филифьонка, сделав рывок вперед, почувствовала, что она в безопасности. Теперь она лежала на полу, а в животе у нее что-то крутилось и вертелось – ей было ужасно плохо.

Ветер раскачивал абажур, кисточки качались на одинаковом расстоянии друг от друга, и на конце каждой висела бусинка. Она внимательно и удивленно разглядывала их, будто видела впервые. Она никогда раньше не замечала, что шелк абажура красный, этот ужасно красивый красный цвет напоминал солнечный закат. И крюк на потолке показался ей каким-то совсем другим.

Филифьонка стала приходить в себя. Она призадумалась: почему это с крючков все свешивается вниз, а не куда-нибудь в сторону и от чего это зависит? Вся комната изменилась, все в ней стало каким-то новым. Филифьонка подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Нос с одной стороны был весь исцарапан, а волосы – мокрые и прямые, как проволока. И глаза были какие-то другие. «Подумать только, что у всех есть глаза. И как только они устроены, что могут все видеть?» Ее начало знобить – верно, от дождя и оттого, что за эту секунду страха перед ней пронеслась вся ее жизнь. Она решила сварить кофе. Филифьонка открыла кухонный шкаф и увидела, что у нее слишком много посуды. Ужасно много кофейных чашек, слишком много кастрюль и сковородок,

горы тарелок, сотни других кухонных предметов – и все это для одной лишь Филифьонки! Кому это все достанется, когда она умрет?

– Я никогда не умру, – прошептала Филифьонка и, захлопнув дверцу шкафа, побежала в столовую, проскользнула между стульями, выбежала в гостиную, раздвинула оконные шторы, поднялась на чердак. Повсюду было тихо. Филифьонка распахнула дверцы платяного шкафа и, увидев лежащий в шкафу чемодан, поняла наконец, что ей надо делать.

Она поедет в гости. Ей надо отвлечься, побыть в обществе. В компании с теми, с кем можно приятно поболтать, с теми, которые снуют взад и вперед и заполняют собой весь день, так что у них не остается времени для страшных мыслей. Не к Хемулю, не к Мюмле, только не к Мюмле! Только к семье муми-троллей. Самое время навестить Муми-маму.

Когда у тебя возникает желание что-то сделать, нужно немедленно принимать решение и не ждать, пока это настроение пройдет. Филифьонка вынула чемодан, положила в него серебряную вазу – ее она подарит Муми-маме.

Потом вылила мыльную воду на крышу и закрыла окно, вытерла голову полотенцем, закрутила волосы на бигуди и выпила чашку кофе. Дом обрел покой и становился прежним. Филифьонка вымыла чашку, вынула серебряную вазу из чемодана и заменила ее фарфоровой. Из-за дождя сумерки наступили рано, и она зажгла свет.

«И что это мне взбрело в голову? – подумала Филифьонка. – Абжур вовсе не красный, а коричневый. Но все равно я отправлюсь в гости».

Стояла поздняя осень. Снусмумрик продолжал свой путь на юг. Иногда он останавливался, разбивал палатку, не задумываясь о том, как бежит время, бродил вокруг, ни о чем не думая, ни о чем не вспоминая. И много спал. Он смотрел по сторонам внимательно, но без малейшего любопытства, не заботясь о том, куда идет, – лишь бы идти дальше.

Лес был тяжелый от дождя, деревья словно застыли. Все завяло и поникло, только внизу прямо на земле расцвел потаенный осенний сад. Он поднимался с мощной силой из гнили. Это были странные растения, блестящие, разбухшие, так не похожие на то, что растет летом. Голый желто-зеленый черничник, красная, как кровь, клюква. Незаметные летом мхи и лишайники вдруг разрослись пушистым ковром и завладели всем лесом. Лес повсюду пестрел новыми яркими красками, и повсюду на земле светились опавшие красные ягоды рябины. Папоротник почернел.

Снусмумрику захотелось сочинить песню. Он ждал, пока это желание окончательно созреет, и в один прекрасный вечер достал с самого дна рюкзака губную гармошку. Еще в августе в Муми-дален он сочинил пять тактов, которые, бесспорно, могли стать блестящим началом мелодии. Они явились внезапно, сами собой, как приходят любые свободные звуки. Теперь настало время собрать их и сделать из них песню о дожде.

Снусмумрик прислушался и ждал. Пять тактов не приходили. Он продолжал ждать, вовсе не волнуясь, потому что знал, как бывает с мелодией. Но ничего, кроме слабого шороха дождя и журчания водяных струй, не слышал. Вот стало совсем темно. Снусмумрик взял свою гармошку и положил ее обратно в мешок. Он понял, что пять тактов остались в Муми-дален и он найдет их, лишь когда вернется туда.

Снусмумрик знал миллионы других мотивов, но это были летние песенки про все на свете, и Снусмумрик отогнал их от себя. Конечно, легкий шорох дождя и журчание воды в ручейках – все те же самые звуки одиночества и красоты, но какое ему дело до дождя, раз он не может сочинить о нем песню.

Хемуль просыпался медленно, он узнавал сам себя и хотел быть кем-нибудь другим, кого он не знал. Он чувствовал себя еще более усталым, чем в тот момент, когда ложился, а ведь сейчас начинался новый день, который будет длиться до самого вечера, а за ним пойдет еще день, еще и еще, и они будут похожи друг на друга, как все дни Хемуля.

Он заполз под одеяло, уткнулся носом в подушку и подвинул живот на край кровати, где простыня была прохладная. Потом широко раскинулся, так что занял всю кровать, и ждал, когда к нему придет приятный сон. Но сон не приходил. Тогда он свернулся и стал совсем маленьким, но это тоже не помогло. Он попробовал стать хемулем, которого все любят, потом бедным хемулем, которого никто не любит. Но он по-прежнему оставался хемулем, который, как ни старался, ничего хорошего толком сделать не мог. Наконец он встал и натянул брюки.

Хемуль не любил раздеваться и одеваться, это наводило его на мысль, что дни проходят, а ничего значительного не происходит. А ведь он с утра до вечера только и делает, что руководит и дает указания. Все вокруг него ведут жизнь бестолковую и беспорядочную; куда ни глянь, все надо исправлять, он просто надорвался, указывая каждому, как надо вести себя и что делать.

«Можно подумать, что они не желают себе добра», – с грустью рассуждал он, чистя зубы. Хемуль взглянул на фотографию, на которой он был снят рядом с парусной лодкой. Этот красивый снимок, сделанный в день спуска на воду, еще

больше опечалил его.

«Надо бы научиться управлять лодкой, – подумал он, – но я вечно занят...»

Внезапно ему пришло в голову, что он занят всегда лишь тем, что переставляет вещи с одного места на другое или указывает другим, как это делать. И он подумал: «А что будет, если я перестану этим заниматься?» – «Ничего не будет, найдутся желающие на мое место», – ответил он сам себе и поставил зубную щетку в стакан. Эти слова удивили и даже немного испугали его, и по спине у него поползли мурашки точь-в-точь как в новогоднюю полночь, когда часы бьют двенадцать. Через секунду он подумал: «Но ведь надо же научиться управлять лодкой...» Тут ему стало совсем плохо. Он пошел и сел на кровать. «Никак не пойму, – подумал он, – почему я это сказал. Есть вещи, о которых нельзя думать, и вообще, не надо слишком много рассуждать».

Он отчаянно пытался придумать что-нибудь такое, что разогнало бы утреннюю меланхолию. Он думал, думал, и постепенно в голове его всплыло приятное и неясное воспоминание одного лета. Хемуль вспомнил Муми-дален. Он был там ужасно давно, но одну вещь он отчетливо запомнил. Он запомнил южную гостиную, в которой было так приятно просыпаться по утрам. Окно было открыто, и легкий летний ветерок играл белой занавеской, оконный крючок мерно стучал по подоконнику... На потолке плясала муха. Не надо было никуда спешить. На веранде его ждал кофе. Все было ясно и просто, все шло само собой.

В этом доме жила одна семья. Всех их он не помнил. Помнил только, как они неслышно сновали туда-сюда и каждый был занят своим делом. Все были славные и добрые – одним словом, семья. Отчетливей всего он помнил папу, папину лодку и лодочную пристань. И еще – как просыпался по утрам в хорошем настроении.

Хемуль поднялся, взял зубную щетку и положил ее в карман. Плохое настроение и дурное самочувствие улетучились, теперь он был совсем другим хемулем.

Никто не видел, как Хемуль ушел – без чемодана, без зонта. Не сказав «до свидания» никому из соседей.

Хемуль не привык бродить по лесам и полям и поэтому много раз сбивался с пути. Но это вовсе не пугало и не сердило его.

«Раньше я ни разу не сбивался с пути, – весело думал он, – и никогда не промокал насквозь!» Он размахивал лапами и чувствовал себя так же, как в той песне, где кто-то прошел тысячи миль под дождем и чувствовал себя одичавшим и свободным. Хемуль радовался! Скоро он будет пить горячий кофе на веранде.

Примерно в километре к востоку от Муми-дален протекала река. Хемуль постоял на берегу, задумчиво глядя на темные струи, и решил, что река похожа на жизнь. Одни плывут медленно, другие – быстро, третьи переворачиваются вместе с лодкой.

«Я скажу об этом Муми-папе, – серьезно подумал он, – мне кажется, мысль эта абсолютно новая. Подумать только, как легко приходят сегодня мысли, и все кажется таким простым. Стоит только выйти за дверь, сдвинув шляпу на затылок, не правда ли? Может, спустить лодку на воду? Поплыву к морю... Крепко сожму лапой руль... – И повторил: – Крепко сожму лапой руль...» Он был бесконечно, до боли счастлив. Затянув потуже ремень, он пошел вдоль берега.

Долина была окутана густым, серым, мокрым туманом. Хемуль прошел прямо в сад и остановился удивленный. Что-то здесь изменилось. Все было такое же, как раньше, и не такое. Увядший лист покружился и упал ему на нос.

«Чепуха какая-то! – воскликнул Хемуль. – Ах да, сейчас ведь вовсе не лето, правда? Сейчас осень!» А он всегда представлял себе лето в Муми-дален. Он направился к дому, остановился возле лестницы, ведущей на веранду, и попробовал вывести тирольский йодль. Но у него ничего не вышло.

Тогда он закричал: «Хи! Хо! Поставьте кофейник на огонь!»

Ответа не было. Хемуль снова покричал и снова подождал.

«Сейчас я подшучу над ними», – решил он. Подняв воротник и надвинув шляпу на глаза, он взял грабли, стоявшие у бочки с водой, угрожающе поднял их над головой и проревел:

– Отворите, именем закона! – И, сотрясаясь от смеха, стал ждать.

Дом молчал. Дождь припустил сильнее, дождинки все капали и капали на напрасно ожидавшего Хемуля, и вокруг не было никаких других звуков, кроме шороха падающего дождя.

6

Хомса Тофт никогда не был в Муми-дален, но он легко нашел дорогу. Путь был дальний, а ноги у хомсы короткие. Не раз путь ему преграждали глубокие лужи, болота и огромные деревья, упавшие на землю от старости или поваленные бурей. На вырванных из земли корнях висели тяжелые комья земли, а под корнями блестели глубокие черные ямы, наполненные водой. Хомса обходил каждое болотце, каждую ямку с водой и при этом ни разу не заблудился. Он был очень счастлив, потому что знал, чего хотел. В лесу прекрасно, гораздо лучше, чем в лодке Хемуля.

А вот от Хемуля пахло старыми бумагами и страхом. Хомса знал это – однажды Хемуль постоял возле своей лодки, повздыхал, слегка приподнял брезент и пошел своей дорогой.

Дождь перестал лить, и лес, окутанный туманом, стал еще красивее. Там, где холмы понижались к Муми-дален, лес становился гуще, а ложбинки, наполненные водой, превращались в потоки. Их было все больше и больше. Хомса шел между сотен ручейков и водопадиков, и все они устремлялись туда

же, куда шел и он.

Вот долина уже совсем близко, вот он идет по ней. Он узнал березы – ведь стволы их были белее, чем во всех других долинах. Все светлое было здесь светлее, все темное – темнее. Хомса Тофт старался идти как можно тише и медленнее. Он прислушивался. В долине слышался стук топора – видно, папа запасал дрова на зиму. Хомса стал ступать еще осторожнее, его лапы едва касались мха. Путь ему преградила река, он знал, что есть мост, а за мостом – дорога. Рубить перестали, теперь слышался только шум реки, в которую впадали все потоки и ручейки, чтобы вместе с нею устремиться к морю.

«Вот я и пришел», – подумал Тофт. Он прошел по мосту, вошел в сад. Здесь было все так же, как он рассказывал себе, иначе и быть не могло. Деревья стояли голые, окутанные ноябрьским туманом, но на мгновение они оделись зеленой листвой, в траве заплясали солнечные зайчики, и хомса вдохнул уютный и сладкий аромат сирени.

Он побежал вприпрыжку к сараю, но на него вдруг пахнуло запахом старой бумаги и страха. Хомса Тофт остановился.

«Это Хемуль, – подумал он. – Так вот как он выглядит». На приступке сарая сидел Хемуль с топором в лапах. На топоре были зазубрины – видно, им ударяли по гвоздям.

Хемуль взглянул на хомсу.

– Привет, – сказал он, – а я думал, это Муми-папа идет. Ты не знаешь, куда все подевались?

– Нет, – отвечал Тофт.

– В этих дровах полно гвоздей, – продолжал Хемуль, показывая топор. – Старые доски да рейки, в них всегда много гвоздей! Хорошо, что теперь я хоть с кем-то

смогу поговорить. Я пришел сюда отдохнуть, – продолжал Хемуль. – Взял и появился к старым знакомым! – Он засмеялся и поставил топор в угол сарая. – Послушай, хомса, – сказал он. – Собери дрова и отнеси их в кухню посушить да уложи потом их в поленницу – смотри, вот так. А я тем временем пойду сварю кофе. Кухня направо, вход с задней стороны дома.

– Я знаю, – ответил Тофт и начал собирать поленья. Он понял, что Хемуль не привык колоть дрова, но, видно, это занятие ему нравилось. Дрова хорошо пахли.

Хемуль внес поднос с кофе в гостиную и поставил его на овальный столик красного дерева.

– Утренний кофе всегда пьют на веранде, – заметил он, – а гостям, что приходят сюда впервые, подают в гостиной.

Хомса робко оглядывал красивую и строгую комнату. Мебель была великолепная, стулья обиты темно-красным бархатом, а на спинке каждого из них была кружевная салфетка. Хомса не посмел сесть. Кафельная печь доходила до самого потолка. Кафель был разрисован сосновыми шишками, шнурок заслонки расшит бисером, а печная дверца была из блестящей латуни. Комод тоже был блестящий – полированный, с золочеными ручками у каждого ящика.

– Ну так что же ты не садишься? – спросил Хемуль.

Хомса присел на самый краешек стула и уставился на портрет, висевший над комодом. Из рамы на него глядел кто-то ужасно серый и косматый, со злыми, близко посаженными глазами, длинным хвостом и огромным носом.

– Это их прадедушка, – пояснил Хемуль. – В ту пору они еще жили в печке.

Взгляд хомсы скользнул дальше к лестнице, ведущей в темноту пустого чердака. Он вздрогнул и спросил:

– А может быть, в кухне теплее?

– Пожалуй, ты прав, – ответил Хемуль. – В кухне, наверное, уютнее.

Он взял со стола поднос, и они вышли из гостиной.

Целый день они не вспоминали о семье, уехавшей из дома. Хемуль сгребал листья в саду и болтал обо всем, что приходило ему в голову, а хомса ходил следом, собирая листья в корзину, и больше слушал, чем говорил.

Один раз Хемуль остановился взглянуть на папин голубой стеклянный шар.

– Украшение сада, – сказал он. – Помню, в детстве такие шары красили серебряной краской. – И продолжал сгребать листья.

Хомса хотел полюбоваться стеклянным шаром наедине – ведь шар был самой важной вещью в долине, в нем всегда отражались те, кто жил в ней.

Если с семьей муми-троллей ничего не случилось, хомса непременно должен увидеть их в синеве стеклянного шара.

Когда стемнело, Хемуль вошел в гостиную и завел папины настенные часы. Они начали бить, как бешеные, часто и неровно, а потом пошли. Под их размеренное и совершенно спокойное тиканье гостиная ожила. Хемуль подошел к барометру. Это был большой барометр в темном, сплошь украшенном резным орнаментом футляре красного дерева. Хемуль постучал по нему. Стрелка показывала Переменно. Потом Хемуль пошел в кухню и сказал:

– Все начинает налаживаться! Сейчас мы подбросим дров и выпьем еще кофейку, идет?

Он зажег кухонную лампу и нашел в кладовой ванильные сухарики.

– Настоящие корабельные сухари, – объяснил Хемуль. – Они напоминают мне о моей лодке. Ешь, хомса. А то ты слишком худой.

– Большое спасибо, – поблагодарил хомса.

Хемуль был слегка возбужден. Он склонился над кухонным столом и сказал:

– Моя лодка построена прочно. Спустить весной лодку на воду – что может быть лучше на свете?

Хомса ерзал на стуле, макал сухарь в кофе и молчал.

– Все медлишь да ждешь чего-то. А потом наконец поднимешь парус и отправишься в плаванье.

Хомса глядел на Хемуля из-под косматой челки. Под конец он сказал:

– Угу.

Хемулю вдруг стало тоскливо – в доме было слишком тихо.

– Не всегда успеваешь сделать все, что хочешь, – заметил он. – Ты знал тех, кто жил в этом доме?

– Да, я знал маму, – ответил Тофт. – А остальных плохо помню.

– Я тоже! – воскликнул Хемуль, радуясь, что хомса на конец хоть что-то сказал. – Я никогда не разглядывал их внимательно, мне достаточно было знать, что они тут, рядом. – Он помедлил, подыскивая подходящие слова, и продолжал: – Но я всегда помню о них, ты понимаешь, что я хочу сказать?

Хомса снова замкнулся в себе. Немного подождав, Хемуль поднялся.

– Пожалуй, пора ложиться спать. Завтра тоже будет день, – сказал он, но ушел не сразу.

Прекрасный летний образ южной гостиной исчез, Хемуль видел перед собой лишь пустой темный чердак. Подумав, он решил ночевать в кухне.

- Пойду прогуляюсь немного, - пробормотал Тофт.

Он притворил за собой дверь и остановился. На дворе была непроглядная тьма. Хомса подождал, пока глаза его привыкнут к темноте, и медленно побрел в сад. Из глубины погруженного во мрак сада струился голубой свет. Хомса подошел совсем близко к стеклянному шару. Глубокий, как море, он был пронизан длинными темными волнами. Хомса Тофт все смотрел, смотрел и терпеливо ждал. Наконец в самой глубине синевы засветился слабый огонек. Он загорался и гас, загорался и гас с равными промежутками, словно маяк. «Как они далеко», - подумал Тофт. Он весь продрог, но продолжал смотреть не отрываясь на огонек, который то исчезал, то появлялся, но был до того слаб, что хомса с трудом мог его разглядеть. Ему показалось, что его обманули.

Хемуль стоял в кухне, держа в лапе фонарь. Ему казалось ужасно тяжело и противно достать матрас, найти место, где его постелить, раздеться и сказать самому себе, что еще один день перешел в ночь. «Как же это вышло? - удивился он про себя. - Ведь я весь день был веселый. Что, собственно говоря, изменилось?»

Хемуль все еще недоумевал, когда дверь на веранду отворилась и кто-то вошел в гостиную. Загремел опрокинутый стул.

- Что ты там делаешь? - спросил Хемуль.

Ответа не было. Хемуль поднял лампу и крикнул:

- Кто там?

Старческий голос загадочно ответил:

- А уж этого я тебе не скажу!

Он был ужасно старый и совсем потерял память. Однажды темным осенним утром он проснулся и забыл, как его зовут. Печально не помнить, как зовут других, но забыть собственное имя – прекрасно.

В этот день он не вставал с постели, лежал себе и перед ним всплывали разные картины, разные мысли приходили и уходили. Иногда он засыпал, потом снова просыпался, но так и не мог вспомнить, кто он такой. Это был спокойный и в то же время увлекательный день.

Вечером он стал придумывать себе имя, чтобы встать с постели: Скруттагуббе? Онкельскронкель? Онкельскрут? Мурфарскрелль? Моффи?.. Он знал некоторых, которые сразу теряют свое имя, как только с ними познакомишься. Они приходят по воскресеньям, выкрикивают вежливые вопросы, потому что никак не могут усвоить, что я вовсе не глухой. Они стараются излагать мысли как можно проще, чтобы я понял, о чем идет речь. Они говорят: «Доброй ночи!» – и уходят к себе домой и там танцуют, поют и веселятся до самого утра. Имя им – родственники. «Я – Онкельскрут, – торжественно прошептал он. – Сейчас я поднимусь с постели и забуду всех родственников на свете».

Почти всю ночь Онкельскрут сидел у окна и глядел в темноту, ожидая чего-то важного. Кто-то прошел мимо его дома и исчез в лесу. На другом берегу залива отражалось в воде чье-то освещенное окно. Может быть, там что-то праздновали, а может, и нет. Ночь медленно уходила, а Онкельскрут все ждал, стараясь понять, чего же он хочет.

Уже перед самым рассветом он понял, что хочет отправиться в долину, где он был когда-то, очень давно. Возможно, он просто слышал что-то об этой долине или читал – какая разница? Самое главное в этой долине – ручей. А может быть, это река? Но только не речушка. Онкельскрут решил, что все-таки это ручей. Ручьи ему нравились гораздо больше, чем речушки. Прозрачный и быстрый ручей. Он сидел на мосту, болтал ногами и смотрел на рыбешек, что мельтешили

в воде, обгоняя друг друга! Никто не спрашивал, как он себя чувствует, чтобы тут же начать болтовню о совсем других вещах, не давая ему опомниться и решить, хорошо он себя чувствует или плохо. В этой долине он мог играть и петь всю ночь и последним уходить спать на рассвете.

Онкельскрут не сразу принял решение. Он успел понять, как важно повременить, когда чего-то сильно желаешь, и знал, что поездку в неизвестность следует подготовить и обдумать.

Прошло много дней. Онкельскрут бродил по холмам вдоль темного залива, он все более и более впадал в забытие, и ему казалось, что с каждым днем долина становилась все ближе к нему.

Последние красно-желтые листья падали с деревьев и ложились охапками ему под ноги. (Ноги у Онкельскрута были еще удивительно молодые.) Время от времени он останавливался, поддевал палкой красивый лист и говорил про себя: «Это клен. Это я никогда не забуду». Онкельскрут хорошо знал, что ему не следует забывать.

За эти дни он постарался забыть многое. Каждое утро он просыпался с тайным желанием забыть, что долина подходит к нему все ближе и ближе. Никто ему не мешал, никто не напоминал, кто он такой.

Онкельскрут нашел под кроватью корзину, сложил туда все свои лекарства и маленькую бутылочку коньяку для желудка. Он сделал шесть бутербродов и не забыл про зонтик.

Он приготовился к побегу.

За долгие годы на полу у Онкельскрута скопились груды вещей. Тут было много всякой всячины, которую не хочется убирать и по многим причинам убирать не следует. Все эти предметы были разбросаны, словно островки, – ненужный и забытый архипелаг. Онкельскрут перешагивал через эти островки, обходил их по привычке, и они придавали его ежедневному хождению какое-то разнообразие и в то же время вселяли чувство чего-то постоянного и непреходящего. Теперь Онкельскрут решил, что они ему больше не нужны. Он взял метлу и поднял в комнате тарарам. Все – корки и крошки, старые домашние туфли и тряпки для вытирания пыли, завалявшиеся таблетки и забытые

листочки с перечнем того, что нужно не забыть, ложки, вилки, пуговицы и нераспечатанные письма – все сгрудилось теперь в одну кучу. Из этой кучи он извлек только очки и положил их в корзину. Отныне он будет смотреть на вещи иначе.

Долина была уже совсем близко, за углом. Но Онкельскрут чувствовал, что воскресенье еще не наступило. Он ушел из дома в пятницу или в субботу. Конечно, он не вытерпел и написал прощальное письмо.

Я ухожу своей дорогой и чувствую себя отлично, – писал он. – Я слышал все, о чем вы говорили целую сотню лет, ведь я вовсе не глухой. К тому же я знаю, что вы то и дело веселились потихоньку от меня всю дорогу.

Подписи он не поставил.

Потом Онкельскрут надел пижаму и гамаши, поднял с пола свою корзиночку, отворил дверь и запер ее, оставив за нею все свои сто долгих лет, исполненный силы, которую ему придавали жажда путешествий и его новое имя. Он пошел прямо на север к счастливой долине, и никто из обитателей домишек на берегу залива не знал, куда он ушел. Красно-желтые листья кружились у него над головой, а вдалеке на холмы обрушился осенний ливень, чтобы смыть остатки того, что ему не хотелось помнить.

8

Визит Филифьонки в Муми-дален был ненадолго отсрочен – она никак не могла решить, надо ли ей пересыпать вещи антимолю или нет. Дело это непростое: сначала нужно все проветрить, выколотить и вычистить и так далее, не говоря уже о самих шкафах, которые надо вымыть с содой и с мылом. Но стоило Филифьонке взять в лапы щетку или тряпку, как у нее начинала кружиться голова и тошнотворное ощущение страха возникало в желудке, поднималось и застревало в горле. Нет, заниматься уборкой она больше не могла. После того как мыла то окно. «Так дело не пойдет, – подумала бедная Филифьонка, – моль

сожрет все мои вещи!»

Она не знала, сколько времени будет гостить в долине. Если ей там не понравится, она не останется надолго. Если будет хорошо, почему не задержаться на месяц? А если она проживет там целый месяц, всю ее одежду за это время успеет прогрызть моль и прочая дрянь. Она с ужасом представляла себе, как их маленькие челюсти прогрызут себе ходы в ее платьях и коврах, вообразила, как они обрадуются, добравшись до ее лисьей горжетки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/tuve-yansson/v-konce-noyabrya/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tuve-yansson/v-konce-noyabrya-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)